

Поскольку никто из спутников в дорожном деле ничего не смыслил, Ху Чжэн перед самым отправлением придержал коней и пояснил:

— На одну ли дороги можно одновременно снарядить двадцать человек. При хорошей погоде они управятся дней за семь, а зарядит ненастье — пиши пропало, уйдет не меньше двух недель.

В уезде Шаоюань дожди лили почти не переставая. Даже зимой, когда крестьяне освобождались от полевых работ, здесь не бывало укрытых бескрайними снегами равнин, как на севере; лишь бесконечная, унылая изморось тянулась неделя за неделей.

К тому же прокладывать грунтовые тракты — дело неблагодарное, особенно в сырых краях. Землю сначала нужно прокалить огнем, иначе к следующей весне сквозь нее прорастут тысячи цепких корней, а само полотно пойдет глубокими трещинами. В сезон дождей такой путь и вовсе превращается в вязкое месиво, где телеги и кони тонут по самые ступицы.

Цзян Умянь молча кивнул.

«Конечно, цемент — не панацея от сорняков и ливней, но такое покрытие прослужит куда дольше. Всё лучше, чем каждую осень сгонять людей на изнурительную трудовую повинность».

Закончив объяснения, Ху Чжэн уставился на рабочих.

— Господин уездный судья, простите за дерзость, но что здесь происходит?

Перед ним тоже строили дорогу, но совсем иначе, нежели он привык видеть. Люди трудились слаженно, разбившись на артели. Сначала передовые рабочие намечали деревянные границы будущей колеи. Следом шла другая группа, споро раскапывая неглубокую траншею с обеих сторон. Затем двое служителей уезда выливали в нее по полведра густой серой жижи, а замыкающие, присев на корточки, деревянными гладилками выравнивали смесь и слегка сбрызгивали ее водой.

Чуть поодаль, у обочины, кто-то непрерывно замешивал эту странную жижу, соединяя воду с сухим серым порошком.

Не только проводник Ху застыл как вкопанный — весь его караван притих, наблюдая за невиданным зрелищем. Уж очень быстро спорилась работа, ничего подобного купцы отродясь не встречали.

— Дорогу мостим, — простодушно улыбнулся Цзян Умянь. — Как по-твоему, сколько времени уйдет на одну ли при таком подходе?

Ху Чжэн дождался, пока рабочие закончат очередной отрезок, мысленно прикинул скорость и изумленно выдохнул:

— Самое большое — три дня!

Три дня! Всего три дня на целую ли — и это с учетом капризов погоды. Стояло пекло, под палящим солнцем долго не проработаешь: приходилось то и дело устраивать передышки, да и к вечеру люди утомлялись, сбавляя темп. Но даже со всеми задержками трех дней хватало с лихвой.

Ху Чжэна охватила дрожь. Невероятная скорость!

— Господин судья, что это за чудесная глина? — почтительно спросил он. — Сможет ли по ней проехать груженная телега, когда все подсохнет?

По цвету смесь напоминала известковый раствор, но уезд Шаоюань никогда бы не наскреб денег на столько извести. Да и везти ее было неоткуда — в самом уезде таких запасов не водилось, а в префектуре известь берегли как зеницу ока для ремонта крепостных стен.

Проводник принялся было перебирать в уме знакомых купцов, гадая, кто мог привезти в уезд такой товар, но тут же оборвал себя — от изумления голова совсем кругом пошла. Ведь его караван первым проложил путь в Шаоюань после сезона дождей! Никаких других торговцев здесь и быть не могло. Значит, это не привозной раствор, а местное изобретение?

— Это лишь проба, — мягко отозвался Цзян Умянь. — Поглядим, как поведет себя дорога. Если выдержит — хорошо, если нет — придется по старинке сгонять людей на укладку грунтового тракта. Ежели вам, проводник Ху, любопытно, на обратном пути сами всё увидите.

В груди Ху Чжэна разгорелся азарт. Он решительно шагнул вперед:

— Зачем ждать обратного пути? Если у вас есть немного времени, господин судья, мы могли бы обсудить дело прямо сейчас.

Снова в нем заговорила купеческая жилка: если его семья приберет к рукам это диво, их ждет сказочное богатство! И уверенность его крепла не на пустом месте. Каменный уголь, который так настойчиво искал судья Цзян, добывался на землях семьи Ху. Какие бы заезжие купцы ни явились сюда позже, его семья всегда будет на шаг впереди. Но эта серая жижа... Сделка по ней могла в корне изменить всё. Пока неизвестно, чего потребует судья и какую цену заломит, лучше договориться заранее и закрепить за собой первенство.

Однако Цзян Умянь качнул головой, вежливо отказывая:

— Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Возвращайтесь, оцените прочность дороги, тогда и потолкуем. К тому же запасы смеси скудны, всё ушло на этот опыт. Не стану вас задерживать, проводник Ху, доброго пути.

Когда караван скрылся за пеленой пыли, к судье подошел советник Линь.

— Господин уездный судья, если сохраним нынешний расход материалов, то к началу зимы дотянем дорогу до самой префектуры.

— Хватит и половины, — возразил Цзян Умянь. — Оставим префектуре ее долю забот. Одно лишь дорожное строительство выжмет из уезда все соки, казна Шаоюаня такого не выдержит.

— Двадцать человек могут ударно трудиться три дня, но они не продержатся так месяц. И ведь это только укладчики. А если посчитать тех, кто готовит еду, подвозит материалы, следит за качеством и присматривает за порядком? Шаоюань по миру пойдет с этой дорогой!

Он не преувеличивал. Это как содержать армию в походе: прокормить такую ораву, заготовить припасы и материалы — дело разорительное. Дорогу-то они, положим, построят, но в управе не останется ни медного гроша на другие нужды. Разве можно так безрассудно вести дела?

Советник Линь задумчиво проводил взглядом уходящий караван и тихо спросил:

— Но разве мы не выручили добрую сумму за плуги для заливных полей? К тому же вы собирались пустить в продажу «Лунную изморозь».

О продаже сахара не могло быть и речи. Секрет его очистки уже покинул Шаоюань, и независимо от успеха затеи этот промысел уезду больше не принадлежал. Белый сахар должен войти в число императорских подношений — его следовало отправить прямым путем во дворец.

К тому же существовала иная опасность.

— Стоит уезду заикнуться о продаже «Лунной изморози», как на следующий же день прихвостни клана Хань явятся с мешками золота скупать рецепт, — негромко произнес Цзян Умянь.

Ценность белого сахара приравнивалась к золоту — унция за унцию. При этом для его производства требовались сущие пустяки: глина, вода да древесная зола — почти беззатратное ремесло, приносящее баснословные барыши из ничего! Разве алчный клан Хань упустит такой кусок? Безопаснее сделать сахар дворцовым подношением и навсегда закрыть эту лавочку для посторонних глаз.

Вместо сахара он планировал торговать побочным продуктом его производства — бумагой.

Из выжатого тростника получалась отличная бумажная пульпа. Добавить к этому старые рыбацкие сети, древесную кору — благо в Шаоюане этого добра хватало с избытком, — и можно открывать собственную бумажную мануфактуру.

— А что с красным кирпичом? — прервал свои мысли судья. — Смесь и температуру обжига подобрали?

Смутьянов изгнали, глина оказалась отменной, да и даос Цзинь мастерски управлялся с жаром в печи — казалось, теперь-то дело должно пойти на лад.

— Обжиг выходит неплохой, но вот уследить за пламенем... — Советник Линь осекся и тяжело вздохнул.

Если бы умение держать нужный жар в печи оценивали по строгой шкале, даос Цзинь без труда заслужил бы высший балл. Увы, мастерство остальных ремесленников напоминало изломанный хребет здешних гор — то взлет, то сокрушительное падение. О стабильности оставалось лишь мечтать.

Цзян Умянь нахмурился. Неужели придется конструировать термометр? Задача почти невыполнимая: из прежней жизни он помнил лишь смутные крохи о ртути и стеклянных трубках.

Ладно, с этим можно повременить. Проще составить указ и созвать опытных мастеров обжига синего кирпича со всей округи — пусть поклонятся даосу Цзиню в пояс и перенимут у него искусство работы с красной глиной.

Вслед за торговым караваном семьи Ху в уезд потянулись другие, помельче. И пускай не все купцы останавливались в «Павильоне Пьяной Зари», его трапезная никогда не пустела. Один заезжий купец даже отложил возвращение в столицу на целую декаду — уж очень ему понравились здешние яства.

Едва двери павильона распахнулись ранним утром, на пороге появился частый гость. Проводник Юй прошествовал к своему любимому столику с самым невозмутимым видом. Трактирный слуга, привыкший к его причудам, без лишних слов положил перед ним несколько тонких свитков меню.

Юй Чэнвэнь выпрямил спину и принялся изучать иероглифы с таким благоговением, словно перед ним лежали бесценные свитки великих мастеров древности.

— У вас утреннее меню обновилось? — Он быстро пробежал глазами первые строчки и сразу перелистнул на середину. Там действительно появились новые названия — все сплошь печеные пирожки.

— Истинный знаток! Глаз у вас — алмаз, уважаемый гость, — расплылся в улыбке слуга. — Повар напек свежих цветочных пирогов. Наш уездный судья приметил, что нынче хризантемы

и османтус цветут как никогда буйно, приказал собрать лепестки и привезти в управу. Ну и нам перепала малая толика. Не желаете ли отведать?

— Неси парочку цветочных пирогов да чайник попроще.

— Сию минуту!

Пироги оказались круглыми, величиной с детский кулачок, с начинкой из засахаренных лепестков. Сахар в этих краях ценился дорого, так что повар не усердствовал со сладостью, зато душистых цветов не пожалел.

Помимо сладостей, Цзян Умянь занимался виноделием. Осенний османтус идеально подходил для настаивания хмельного. К тому же из надежных источников пришла весть: его достопочтенного учителя переводят на службу в Линьнань! Судья твердо решил приготовить лучшее вино, чтобы достойно встретить наставника.

В тот самый день, когда весть подтвердилась, на пороге управы появился генерал Сюэ. От него за версту веяло дорожной пылью и яростью.

— Воды! Скорее, воды мне!

Марш-бросок под палящим солнцем Линьнаня едва не свел его в могилу от жажды. Советник Чжан, сидевший за столом, торопливо протянул ему кувшин с прохладным отваром из кислой сливы с османтусом:

— Выпейте, генерал Сюэ. Что стряслось? Откуда такая спешка?

Генерал забрал из уезда изрядную часть рабочих для возведения укреплений на островах и даже выписал советника Чжао Чэна, чтобы тот разметил местность под будущий лагерь гарнизона. На строительство крепости должен был уйти по меньшей мере год — почему же военачальник вернулся так скоро?

Сюэ Вэнь в несколько глотков осушил кувшин, утер рукавом пот с лица и, убедившись, что в кабинете остались лишь свои — судья Цзян да двое советников, — без обиняков выпалил:

— Брали заговорщиков. Кресло префекта Нанькана теперь пусто, да и в управе уезда Пинцин ловить больше некого — всех выгребли.

Цзян Умянь кивнул Чжан Жуну, приказывая достать свиток с признаниями:

— Погляди на эти показания. Недавно мы допрашивали негодяев, которые устраивали беспорядки на угольных копях. Сверх имена с твоим списком продажных чиновников и купцов.

Впрочем, даже если их там не окажется, закон Великой Чжоу суров: за уклонение от налогов торговцам углем «Золотая Нить» светит не меньше десяти лет каторги в сырых казематах — срок зависит лишь от украденной суммы.

Генерал поперхнулся водой. Мал уезд Пинцин, да грязи в нем накопилось предостаточно! Пробежав глазами свиток, он мрачно усмехнулся:

— Можешь не сличать. Через пару дней всё это семейство пойдет под топор, а добро опишут в казну.

Цзян Умянь медленно прикрыл глаза, сдерживая гнев:

— Значит, они промышляли работорговлей? Твари... Собакам — собачья смерть.

Даже те четыре почтенных семейства из Шаоюаня, что погрели руки на казенном зерне и контрабанде оружия, ждали своей участи до осенних казней. Раз этих приказано казнить немедля, значит, их вина в похищении и продаже свободных людей была доказана неопровержимо.

— Раз уж ты решился на облаву сегодня, все ли улики собраны? — спросил судья. — Никто не ускользнет?

Хотя они и договорились ждать вестей от столичного покровителя, это касалось лишь тайных маневров главнокомандующего Бай Чуханя. Сюэ Вэнь только для вида околачивался на островах под предлогом рекогносцировки, а сам в это время тайно распутывал змеиный клубок работорговцев в Пинцине.

— Да какие там улики! — Сюэ Вэнь вскипел, вспомнив детали дела. — Мы их на горячем взяли!

— В Шаоюане вовсю готовятся к празднику открытия моря, народу тьма съехалась, сутолока невообразимая. Эти стервятники решили воспользоваться суматохой: похитили детей и бросились наутек в горы. Мои разведчики за ними три перевала одолели, пока настигли!

Цзян Умянь молча наполнил пиалу генерала:

— Схватили — и ладно. Сначала верните детей родителям, а через пару дней устроим показательную казнь на площади. Пусть уездные увидят силу закона.

— Так и сделаем, закончим допросы — и на плаху, — согласился Сюэ Вэнь, жадно выпивая отвар до капли. Затем он подался вперед: — И вот еще что. Твое прошение удовлетворено государем. Провинциальный административный комиссар Се Яньхан уже выехал из столицы. К концу года будет здесь, в Линьнани.

— К концу года? — Цзян Умянь переменялся в лице. Известие радовало, но и тревожило не на шутку. — Прямоком сюда? Без заезда в столицу для отчета перед Министерством чинов?

Его беспокойство разделили и советники, помрачнев в один миг. Путь с северных рубежей на юг труден и долог. Если ехать не спеша, полбеда, но прибыть в Линьнань в самую глухую зимнюю пору — предприятие крайне опасное.

Зима в Линьнане разительно отличалась от северной. Пусть здесь, на южной окраине Поднебесной у самого моря, не бывало лютых морозов, здешний климат таил в себе иную угрозу. Холодные, затяжные дожди пропитывали сыростью всё вокруг, а пронизывающий ветер пробирал до самых костей, не оставляя надежды согреться.

Проделать такой путь на исходе года, когда дороги раскиснут от бесконечной слякоти, — тяжелое испытание для пожилого человека.

Генерал Сюэ припомнил, как сам когда-то пробивался сквозь ледяную бурю, когда колючий снег слепил глаза, а ветер валил с ног коней, и сочувственно поморщился.

В тишине кабинета твердо прозвучал голос Цзян Умяня:

— Пока время терпит, нужно немедленно начинать укладку цементных дорог.

<http://bllate.org/book/19045/1986485>